

Художник и время

ИСКУССТВО БЫТЬ ЛЮБИМЫМ

КАК РОЖДАЕТСЯ любовь зрителей к актеру? У этой любви есть удивительная особенность: она не всегда бывает обязательной спутницей известности.

Зрители могут восхищаться мастерством артиста, стремиться попасть на спектакли, в которых он играет, но его душевная власть над ними порой кончается в ту самую минуту, когда заканчивается спектакль.

С любимым артистом отношения складываются совсем по-другому.

Связавшая его со зрительным залом магическая нить не рвется и после спектакля: сам того не ведая, артист уходит из театра вместе со зрителями и незримо присутствует во множестве домов, где его хорошо знают, говорят о нем, помнят любовь его роль, радуются его успехам, относятся к нему так нежно и любовно, как если бы он был личным другом каждого из этих не знакомых ему людей.

К числу таких любимых артистов принадлежит Ростислав Янович Плятт.

Не раз приходилось слышать спор о том, существует ли зависимость между профессиональными качествами актера и его личными человеческими свойствами. На этот вопрос можно было бы ответить, так сказать, однозначно: если артист хорошо играет хороших людей, значит, и сам он, вероятно, хороший человек. И чем талантливее артист, тем сильнее действует «момент отождествления»: доброта и благородство, бесстрашие и отзывчивость, все высокие качества, какими наделен сценический персонаж, могут стать для зрителей неотделимыми от создавшего этот образ мастера.

Но к Ростиславу Плятту подойдет к такого рода меркой нельзя никак: он играет не только добрых, хороших людей. Среди его сценических персонажей можно увидеть и такие личности, с которыми, к примеру, нам совсем не захотелось бы дружить. Попробуем вспомнить его роли, и перед нами встанут самые разные типы: рядом с героями, обладающими чистотой чувств и душевным изысканием, рядом с людьми драматических судеб можно встретить смешных чудаков, спекулянтов, простодушных неудачников, ловких жуликов. И выясняется, что Плятт и в этих ролях чувствует себя свободно, естественно, легко, — так, словно именно данную роль ему больше всего хотелось сыграть.

Но, удивительное дело, каким бы полным ни было перевоплощение, обаяние личности самого Плятта настолько прочно, что даже созданным им отрицательным персонажам не удается это обаяние победить. Связь их черты как бы просвечивает любимым зрителями артист — высокий, статный человек с умным добрым лицом, с зоркими глазами, человек благородной и чистой души.

Здесь мне хочется сделать отступление и рассказать историю, происшедшую во время недавних гастролей театра имени Моссовета в Ереване.

Вместе со своими товарищами по театру Плятт оказался в сельской местности; на пороге домика, прилепившегося к склону холма, стояла старая женщина. Она внимательно и удивленно осматривала пеструю группу незнакомых людей, шагавших по выжженной солнцем дорожке, потом ее глаза остановились на Плятте, лицо просияло, она показала на него пальцем и громко произнесла по-армянски:

— Этот человек был у меня в доме!

— Что она сказала? — изумленно спросил Плятт. Ему перелени слова женщины, но он в сомнении переспросил снова: — Именно эти слова она сказала? Так, как вы перевели?

— Именно так, — заверил его переводчик.

И тут старая женщина улыбнулась.

Она смотрела на артиста, впервые попавшего в это селение, и улыбалась ему, как близкому знакомому. Кого она уви-

дела в нем: пастора Шлага из «Семнадцати мгновений весны»? Судью Кавелина из телеспектакля «Истцы и ответчики»? Так или иначе, она была уверена в одном: этот человек, возникая на экране телевизора, входил к ней в дом, как ее личный гость, рассказывал именно ей о том, что произошло в его жизни.

Кажется, это называют «эффектом присутствия». Но маленький этот случай мне показался бесконечно трогательным свидетельством того, каким редкостным даром обладает Плятт — даром личного душевного соприкосновения с каждым зрителем в отдельности.

Есть несколько вопросов, которые с простодушным постоянством задают артистам на так называемых творческих встречах. И хотя мой собеседник, вероятно, уже много раз рассказывал, как он стал актером, я не удержалась и тоже спросила об этом.

И вдруг годы расступились, и я увидела перед собой длинного, тощего, как пруттик, подростка. В московской школе, расположенной в Старокопьевском переулке, ставили спектакль «Помолвка в Галерной Гавани». Роль старого генерала поручили ученику Ростиславу Плятту.

Он вышел, спотыкаясь от застенчивости, стараясь молодчавато ступать, говорить басом, зычно кашлять, строго поглядывать вокруг, — словом, держаться так, как, по его представлению, должен вести себя генерал. И вдруг ощутил, как сладчайший яд, капля за каплей, просачивается в его душу.

Это был, по его словам, «момент отравления», первый жгучий миг, когда его обожгла страсть к сцене, к театру, — неодолимая страсть, которой он остался верен на всю жизнь.

Он вдруг понял, что можно быть одновременно самим собой и кем-то другим, можно позволить этому другому заполнить его, Плятта, существо, можно ходить, думать, смеяться, поступать, как думает и поступает не похожий на него человек, и испытывать от этого неизъяснимое наслаждение. Чувство, пережитое им в тот миг, пронзило его, поглотило полностью, ни о чем другом он был не в силах мечтать.

Можно только представить, как теснились в его юном воображении живые образы, как становился он поочередно то мушкетером, то ловким слугой, как превращался в Хлестакова, в старого мельника, в Дон Кихота, в Арбенина, — в самых различных героев, что бесцельно сходили со страниц прочитанных им книг, чтобы поселиться в его доме, неотступно быть рядом с ним. Они становились его друзьями и вместе с тем безжалостными мучителями, потому что его терзало страстное желание сыграть всех их на сцене.

Что ни говори, мечты сбываются: за свою жизнь народный артист СССР Ростислав Плятт сыграл множество ролей. Вероятно, среди них не оказалось всей пестрой вереницы героев, которые так влекли и искушали его, когда он был подростком, но многие роли были прекрасны, он играл их с наслаждением, с блеском, радуясь им и их любя.

У всякого персонажа, которого мы видим на сцене, есть не только настоящее, но прошлое и будущее. Актер должен знать, как человек, которого он играет, прожил свою жизнь до мига, когда появился на сцене, и как будет жить дальше. У этого человека должны быть свои особенности, привычки, слабости, достоинства, своя манера ходить, улыбаться, смотреть, задавать вопросы, удивляться, хмуриться — все это присуще ему одному, не похоже ни на кого другого, все это актер узнает до мельчайших подробностей, а следовательно, узнаем и мы, зрители. Только тогда существование данного человека артистом доказано.

Татьяна ТЭСС

Но как и где артист ищет и находит этого человека, чтобы потом показать его нам? Как проходит та невидимая, трудная работа души, в которой наконец рождается живой образ?

Мне повезло, Плятт стал говорить об этом сам. И чем подробнее он рассказывал, тем ярче мне вспомнился совсем другой рассказ — художника Юрия Пименова.

Он рассказывал, как однажды на улице увидел девушку, несущую на плече оконное стекло. Девушка мелькнула и исчезла, а художник продолжал о ней думать. Прошло два года, и все это время он ходил по Москве с застрявшим воспоминанием о девушке, стараясь представить, по каким кварталам она проходила, что отражается в стекле, о чем она думает, шагая по улице со своей ношей, наполненной солнцем. Художник писал другие картины, но девушка все жила в его душе, пока не стала такой живой и реальной, что он уже не мог ее не написать. Так появилось прекрасное полотно «Кусок стекла», изображающее девушку с нежным, почти детским лицом, с рыжеватыми волосами, стекающими золотом по ткани рабочей куртки; она придерживает свою ношу крупной, как у мальчишки, рукой, а сквозь стекло просвечивают небо, здания, прохожие, и оно как бы соединяет в себе текущую мимо жизнь с ее отражением...

И вот сейчас об этом же говорил мне не художник, а актер.

Плятт рассказывал, как, идя по улицам, он вглядывается в прохожих, запоминая то хмурого старика, то суетливого провинциала, и вдруг видит погруженного в свои мысли человека в криво застегнутом пальто, и как потом вспоминает этого человека и старается представить, куда тот идет, чем озабочен и как живет. Еще удобней всматриваться в людей, когда едешь в метро: там можно разглядеть их подробней, вообразить их характеры, представить, о чем пассажир задумался, уставившись в темное окно, или как он станет пробираться к дверям по тесно заполненному вагону. Но вдруг человек, казавшийся Плятту таким мягким, вежливым, хорошо воспитанным, встает и прокладывает себе путь к выходу, толкая других пассажиров и ни разу не извинившись... Вдохнув, артист смотрит ему вслед, он огорчен вдвойне — и чужой грубостью, и собственной ошибкой...

Эти повседневные наблюдения нужны Плятту не для того, чтобы воспользоваться ими «впрямую», как зарисовками с натуры.

Дело в другом — в глубоком убеждении, что все в жизни заслуживает внимания, ничто из мира, который нас окружает, не должно пройти мимо. Подлинная жизнь, реальность дает толчок воображению, а воображение — это умный товарищ художника. Оно не пробуждается «на пустом месте», не является некой отвлеченностью — воображение возникает из гущи жизни, именно жизнь является его питательной средой. Так почерпнутые из действительности наблюдения, факты внешнего мира становятся частями внутренней жизни артиста...

И опять, смотря на сидящего передо мною в кресле знакомого человека с добрым лицом, я думаю о тайне перевоплощения. Начинает работать уже мое собственное воображение, и мне видится, как в комнату один за другим входят совершенно не похожие друг на друга люди.

Тут Дорн из «Чайки» Чехова, хирург Бурмин из пьесы Симонина «Парень из нашего города», Крогстад из «Норы» Ибсена, старый генерал из «На пути к вершине» Устинова, разведчик Левин из «Второго дыхания» Крона... Одни из них молодцы, у других седые головы: вон тот, лохматый, ожесточенной человеческой несправедливостью, этот ироничен, сдержан, умен, а рядом с ним существо

чистое, наивное — до чего же все они различны! Если их познать, они, пожалуй, никогда не договорятся друг с другом. Какое же чудо, если всех их вмещает в себе один человек, оставаясь в то же время самим собой...

Я слышала притчу о том, как однажды, во время великих переселений, по дороге двигались длинные вереницы людей. Переселенцы несли на руках детей, тащили узлы с добром, позади шли лошади, волоча тяжело нагруженные повозки, мычали коровы, поднимали пыль овцы, визжали и лаiali собаки... В усталой толпе выделялся человек, который легко шагал, засунув руки в карманы: у него одного было никакого добра. Он шел, внимательно глядя на детей и небо, на коней и женщин, всматриваясь в лица стариков, наблюдая, как летят над дорогой птицы... Кто-то спросил его: «Послушай, ты, а где же твое богатство?». Человек засмеялся и ответил: «Все мое богатство — во мне». Этот человек был актер.

У богатства актера есть особое свойство: чем щедрей он его тратит, тем становится богаче. Случалось ли вам видеть актера после спектакля? Он устал до изнеможения — порой кровинки не увидишь в его лице после того, как снят грим. Но вот снова спектакль, и тот же актер так собран, так свеж, будто влетел на сцену с порывом ветра, а не пришел сюда после длинного рабочего дня. Он будет играть, даже если только что, во время спектакля, сломал себе руку, — так было однажды с Пляттом. Никто из зрителей не догадался о том, что произошло: Плятт играл так же прекрасно, как всегда.

Поэт ищет для работы уединения, пианист может наслаждаться музыкой, даже оставшись один на один с роялем. Артисту необходимо общение: со зрительным залом, с партнерами. Но это не только потребность, это и умение души.

В общении с партнерами Ростислав Плятт обладает «абсолютным слухом», никогда ему не изменяющим. Он чуток к особенностям партнера, к его «тональности», всегда радуется его удачам, стремится их поддержать. И судьба не обошла его ни хорошими ролями, ни талантливыми партнерами.

Во многих спектаклях он играл с такой пленительной актрисой, какой была Вера Петровна Марецкая. С юных лет их связывала сияющая нить дружбы, совместной работы в театре. Они прошли рядом длинный путь — Плятт и сейчас, говоря о Марецкой, называет ее так, как звал в юности, коротким, молодым именем, и в дальней дышке возникает ее лицо, освещенное озорной прелестью, слышится звенящий, ломкий, неповторимый голос...

Немало времени идет на сцене театра имени Моссовета пьеса «Дальше — тишина», и каждый раз спектакль полон свежести и волнения, как на премьере. Плятт играет в этой пьесе с Фаиной Георгиевной Раневской, глубокий и тонким художником, актрисой, поразительному таланту которой дана невянувшая мощь. Нежная любовь двух старых людей, разлученных равнодушными, жестокими детьми, мучительная их незащищенность до боли трогают зрителей. И когда заканчивается спектакль, весь зал взрывает аплодисментов отвечает двум большим мастерам, рассказавшим со сцены простую и горестную эту историю.

...Годы идут, наступают и проходят юбилейные даты. Один талантливый писатель очень хорошо сказал, что молодость перетекает в старость, но есть и обратный путь. Этот праздник можно играть всегда.

Ростиславу Плятту такое счастье дано. Опыт зрелости сплавлен в его душе с молодой взрывчатой силой таланта. И еще одно есть у него драгоценное качество: доброта.

Может быть, именно она придает этому сплаву стойкую прочность.